

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 15

2020

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Редакционная коллегия

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет, Алтайское краевое законодательное собрание

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

К.И. Бринев, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
<i>Сорокин В.В.</i>	5
ЯЗЫК И ПРАВО	
Юридическая техника	
<i>Калашник Н.И., Неймарк М.А.</i>	8
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРЕДПИСАНИЙ О МЕСТЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ	
<i>Тыдыкова Н. В.</i>	13
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИЗМЕНЕНИЕ ОБСТАНОВКИ» В СТ. 80.1 УК РФ	
Лингвоэкспертология	
<i>Жарков И.В., Колтунова Е.А.</i>	17
ОППОЗИЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ОДОБРЕНИЯ И ОПРАВДАНИЯ В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	
Лингвоконфликтология	
<i>Трофимова Г. Н.</i>	22
К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ «ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ» В ТЕКСТАХ СМИ	

CONTENTS

Language of Law	
<i>Sorokin V.V.</i> LANGUAGE AND LAW	5
Legal Technique	
<i>Kalashnik N. I., Neymark M. A.</i> THE PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF STATUTORY PROVISIONS ON THE PLACE OF TRAINEESHIP FOR LAW STUDENTS	8
<i>Tydykova N.V.</i> PROBLEMS OF DEFINING THE CONCEPT OF «CHANGE OF SITUATION» IN ART. 80.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	13
Linguistics expertology	
<i>Zharkov I.V., Koltunova E.A.</i> THE SPEECH ACTS OF APPROVAL AND ACQUITTAL IN THE FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION	17
Linguo-conflictology	
<i>Trofimova G. N.</i> ON THE PROBLEM OF THE FUNCTIONING OF THE PHRASE “TERRORIST ACTIVITY” IN MEDIA TEXTS	22

Язык и право

В. В. Сорокин

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: sorokin.v@yandex.ru

В статье называются формы объективирования языка в праве. Язык рассматривается автором не просто в качестве способа трансляции юридической информации, а в качестве проводника смысла права. Характеризуется роль правовых дефиниций в юридической деятельности. Язык коррелируется со сферами духа права и юридическим процессом.

Ключевые слова: право, язык, толкование права, судебское усмотрение, дух права, буква закона.

Language and Law

V. V. Sorokin

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: sorokin.v@yandex.ru

The article describes the forms of exteriorization of language in law. Language is not considered by the author just as a way of transmitting legal information, but as a guide to the meaning of law. The role of legal definitions in legal services is outlined. Language is correlated with the spirit of the law and the legal process.

Key words: law, language, interpretation of law, judicial discretion, spirit of the law, letter of the law

Язык – важный государствообразующий фактор. Он не только обеспечивает общение между субъектами с использованием вербальных и невербальных средств. В правовой сфере слово несет в себе дух права, ибо оно и есть воплощение этого духа. Получая языковое выражение, дух права объективируется. В то же время в юридической литературе излагается ограниченный взгляд на функции языка в праве. Как правило, к ним относят отобразительную (выражение воли законодателя вовне) и коммуникативную (доведение этой воли до сведения участников общественных отношений) [Пиголкин 1990: 8]. При этом игнорируются самые главные функции языка в праве:

- системосохраняющая – обеспечение воспроизводства духовно-культурного и организационно-регулятивного кода правовой системы общества;

- смыслообразующая – определение словами и выражениями правовых понятий, правил и смыслов;

- духовная – объективация духа права в юридической терминологии.

При этом не нужно допускать абсолютизации языковых средств в праве. Так, Дж. А. Акопян преувеличивает роль языка: «Язык – основное средство общения людей, поэтому только словами и выраженными ими понятиями можно определить, что делать, а чего не делать, что правильно или неправильно» [Акопян 2005: 225]. На самом деле юридические требования выражаются не только словами, но еще правовыми чувствами, конклюдентными действиями (движением жезла сотрудника дорожной полиции).

Глобализаторы мира убеждены в том, что любая унификация, в том числе языковая, несет мир и безопасность. Поэтому один язык на весь мир – одна из задач их повестки дня, равно как и мировое правительство. В мире уже не первое десятилетие наблюдается размывание языков романской и славянской групп, проявляющееся в том, что в их словарный состав активно входят слова и выражения из английского языка. В 2009 г. в Швеции был создан национальный терминологический банк, имеющий целью сбережения и создания шведских терминов. Повсеместно сократилось изучение языков романской группы. Франции даже пришлось принимать закон о защите французского языка («Закон Тубона» 1994 г.). В России тоже немало специалистов озабочены сохранением русской грамматической системы, богатства и своеобразия словаря [Государственный язык России: нормы права и нормы языка, 2018]. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. предусмотрен пункт 81: «Особое значение для укрепления национальной безопасности в области культуры имеет проведение государственной политики по реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации, средства обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов Российской Федерации, основы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и средства удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников за рубежом». К сожалению, государственная политика подразумевает защиту статуса языка, а защиту корпуса языка не затрагивает, в то время как размывание языка – это признак культурного упадка, утрата культурной идентичности народов и наций.

Современные (печатные, телевизионные, радиовещательные, электронные и пр.) средства массовой информации безнаказанно нарушают языковые, коммуникативные и этические нормы, хотя и являются одним из главных субъектов формирования языковой ситуации. СМИ увлекаются эпатажирующим изложением табуированной тематики, создают и муссируют скандалы и сплетни, отличаются циничным отношением к человеческим трагедиям, нагнетают тревожную атмосферу в обществе. Речь журналистов, политиков и даже

юристов изобилует иноязычными словами «тренд», «бренд», «мониторинг», «старт-ап», «праймериз», «онлайн», «пиар», «эксклюзив», «инклюзив», «кейс», «кластер», которые получили широкое распространение в том числе благодаря использованию в нормативно-правовых документах государства. Таким образом, органы государственной власти сами открыли ворота для мирового глобализма. По мнению В. Рыбина: «Мы полностью утратили терминологическое и получили мощный поток заимствований, размывающих русский язык, а вместе с ним русское самосознание» [Рыбин 2018: 20]. И произошло это в нарушение Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г., который в п. 6 ст. 1 предписывает следующее: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Другими словами, сегодня повсеместно наблюдается нарушение запрета на использование новых иностранных слов, не выражающих новых значений и тем самым избыточных для языка. Сегодня даже органы государственной власти употребляют в официальных документах и выступлениях заимствованное слово «волонтер», хотя русское слово «доброволец» общеупотребительно. Студентов высших учебных заведений России стали именовать «бакалавр» и «магистрант». Гражданский кодекс Российской Федерации выступает лидером по употреблению английских по происхождению терминов. Словарный лексикон власти, средств массовой информации, богемы, молодежной тусовки задает формат языкового общения повсюду в стране.

К сожалению, языковая колонизация – первый шаг к полному подчинению англоязычным народам. Через языковую экспансию колонизаторы изменяют мировоззрение народов, отрывая их от духовных и культурных корней и насаждая англосаксонскую модель глобализма. От того, какую лексику используют носители языка, во многом зависит образ их мышления и поведения. И если значительная часть народа говорит на чужом языке, они и думают в плоскости иностранной духовной культуры.

Усилия англосаксонских политиков по целенаправленному подавлению всех языков, кроме английского, продолжаются [Марусенко 2018]. Это одно из свидетельств стремления к мировому господству: «Английский язык в мировой языковой системе играет роль, схожую с ролью доллара в мировой денежной системе» [Рыбин 2018: 80]. Под сферу действия английского языка переходят не только торговля, высокие технологии. Само насаждение английского языка в мире превратилось в доходный бизнес. Исследователи указывают, что суммы «скрытого налога» в пользу Великобритании ежегодно составляют около 1300 евро на человека [Марусенко 2014: 357]. В него входит:

- доход от преподавания английского языка (13 млрд. евро в год);
- доход от переводов на английский язык (только Европейская комиссия в 2018 г. потратила на это 8,5 млрд. евро);
- более высокие зарплаты носителей английского языка по сравнению с инофонами;
- отсутствие необходимости у носителей английского языка тратить средства и время на его изучение.

Ч.3 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. устанавливает: «Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации». Во исполнение данного закона Правительство РФ издало Постановление от 23 ноября 2006 г. № 714, согласно которому Министерство образования утверждает на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку список грамматик, словарей, справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка, а также правила русской орфографии и пунктуации.

Размывание корпуса русского языка приводит к падению его статуса. Так, например, Президент Казахстана Н. Назарбаев объявил 2017 год годом перехода страны с кириллицы на латиницу. В республиках бывшего СССР замена русского языка английским производится под ширмой защиты национального суверенитета. Однако вытеснение русского языка происходит не в пользу национальных языков этих республик, а в пользу английского. Точно так же в странах Европейского союза декларация о многоязычии приводит к насаждению английского языка.

Можно укреплять армию, промышленность и даже наращивать уровень жизни населения, но основой общества и государства является дух. Если в народе нет духовного единства, веры и моральных устоев, государство не может считать себя сильным. А ослабленное государство теряет и численность населения, и его образованность, и благосостояние, и земли, и золотой запас, и промышленность, и культуру. «Призрачна и непочва любая сила, любая мощь, если она не основывается на твердом фундаменте духовного единства» [Снычев 2015: 511]. Функция правового воспитания заключается в формировании у подрастающего поколения представлений о величии своего народа, достоинствах его духовной и материальной культуры, в том числе языка. Функции обеспечения культурной идентичности и формирования национального самосознания тоже связаны с вопросами охраны государственного языка и языков народов, населяющих страну.

Важнейший элемент национального самосознания – слово, опредмечивая правосознание субъектов, является одним из основных условий эффективности правового регулирования. Именно язык способствует передаче правовых идеалов, принципов, норм. Таким образом, язык права, так же, как и общенародный язык, требует к себе бережного отношения.

Теория права и государства научным путем вырабатывает, формулирует и раскрывает тысячи основных понятий и категорий, получающих конвенцию на использование от юридического сообщества. Исходной языковой единицей здесь выступает дефиниция – краткое логическое определение, устанавливающее существенные, отличительные признаки предмета или правовое значение понятия – его правовое содержание и границы использования в сфере правового регулирования [Лазарев 2012: 159]. Правовые дефиниции можно подразделять на доктринальные, находящиеся в научном обороте, судебные, изложенные в судебных актах и легальные, закрепленные в нормативно-правовых актах. Дефинициям в праве («юридическое лицо», «правоотношение», «юридический факт» и т.д.) свойственна высокая степень абстрактности, но посвящены они довольно конкретным правовым явлениям. Языковая оболочка юридических понятий позволяет более или менее однозначно их воспринимать и толковать [Kress, Hodge 1979; Wodak 1989]. Грамматический способ толкования норм права непременно используется по каждому юридическому делу. Здесь имеет значение определенная последовательность слов, этимология слов и выражений, правила грамматики. В иерархии языковых уровней высокое положение занимает синтаксис, так как он тесно связан с логикой, изучающей законы и условия мышления, и с психологией, изучающей процессы образования мысли. Грамматику можно представить как элементарную часть логики, начало анализа мыслительного процесса. Правила грамматики выступают образцами, по которым формы языка получают соответствие с универсальными формами правового мышления.

Небрежное отношение к языку закона приводит к появлению в нормативных актах многочисленных нетерминологических выражений, вообще не требующих дефиниций. Так, в ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации определяется понятие «вода» как «химическое соединение водорода и кислорода, существующее в жидком, твердом и газообразном состояниях». Здесь же дается определение «вод» во множественном числе: это «вся вода, находящаяся в водных объектах». В ст. 1 Закона Российской Федерации «О

пожарной безопасности» определено понятие пожара: «это неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства». Законы Российской Федерации «О защите прав потребителей» и «О естественных монополиях» содержат разные определения понятия «потребитель». А понятия «товар», «предприятие», «штраф», «работник» были определены в российском законодательстве в трех-четырёх вариантах, несовпадающих друг с другом [Головина 2017: 107-109]. Упомянутые языковые погрешности имеют негативные правовые последствия, затрудняют толкование воли законодателя, замедляют работу механизма правоприменения.

Для юристов искусство владения словом имеет ключевое значение. При этом важно относиться к словам не с утилитарно-технической точки зрения, но адекватно, то есть одухотворенно. Чтобы слова в сфере юриспруденции действительно выражали дух права, ими нужно с осторожной внимательностью пользоваться, вкладывая соответствующий смысл. Слово представляет собой знак, знак транслирует образ, а образ заключает в себе смысл. Поэтому современных отечественных юристов нужно специально подготавливать к работе со словом. В стандартах высшего юридического образования данное направление подготовки должно найти место. Студентам-юристам необходимо

- понимать словообразовательные модели, по которым строится юридическая терминология;
- владеть понятийным аппаратом юриспруденции;
- уметь сравнивать содержание и смыслы близких правовых понятий;
- применять приемы и способы толкования права (не только правовых норм, но и правовых идей и принципов);
- уважать дух права, воплощенный в правовых понятиях и выражениях, и отдавать ему предпочтение перед буквой закона.

Литература

- Акопян Дж. Юридическое (нормативное) и этические (нравственное) понимание права / Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 220-231.
- Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург, 2017.
- Государственный язык России: нормы права и нормы языка. СПб., 2018.
- Лазарев В.В. Избранные труды. [В 3 т.]. – Т. III: Из истории политической мысли. М., 2010.
- Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна. Языковые последствия глобализации. М., 2018.
- Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза. Институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб, 2014.
- Рыбин В. Государственный язык как орудие власти. СПб., 2018.
- Снычев И. Русская симфония. М., 2003.
- Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.
- Kress G., Hodge B. Language as ideology. Routledge, 1979.
- Wodak R. Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam, 1989.

References

- Hakobyan J. Legal (normative) and ethical (moral) understanding of law / Jurisprudence. - 2005. - No. 6. — P. 220-231. (In Russian)
- Golovina S. Yu. The conceptual apparatus of labor law. Yekaterinburg: 2017. (In Russian)
- The official language of Russia: legal norms and language norms. SPb., 2018 (In Russian)
- Lazarev V.V. Selected Works. [In 3 vols.]. - T. III: From the history of political thought. M., 2010. (In Russian)
- Marusenko M.A. The evolution of the world language system in the postmodern era. The linguistic implications of globalization. M., 2018. (In Russian)
- Marusenko M.A. The language policy of the European Union. Institutional, educational and economic aspects. St. Petersburg, 2014. (In Russian)
- Rybin V. The state language as an instrument of power. SPb., 2018. (In Russian)
- Snychev I. Russian symphony. M., 2003. (In Russian)
- The language of the law / Ed. A.S. Pigolkina. M., 1990. (In Russian)
- Kress G., Hodge B. Language as ideology. Routledge, 1979.
- Wodak R. Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam, 1989.

Citation:

Сорокин, В. В. Язык и право. // Юрислингвистика. – 2020. – 15. – С. 5-7.

Sorokin, V.V. (2020). The Language and Law. Legal Linguistics, 15, 5–7.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проблемы реализации нормативных предписаний о месте прохождения практики студентов юридических вузов

Н.И. Калашник

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: nat.kalashnik@gmail.com*

М.А. Неймарк

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: neymark.m@mail.ru*

Статья посвящена анализу положений нормативных правовых актов, определяющих места прохождения практики студентов, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования. Для надлежащей реализации нормативных предписаний о месте прохождения практики проанализировано содержание термина «профильная организация». Это представляется актуальным, так как анализ практики применения указанных актов при организации практики студентов юридических вузов свидетельствует об отсутствии единого подхода к пониманию термина «профильная организация». Обосновывается, что в целях усиления практической ориентированности обучения студентов юридических вузов местами прохождения практики следует считать как организации, деятельность которых соответствует профессиональным компетенциям, осваиваемым в рамках основных профессиональных образовательных программ высшего образования, так и организации, юридические подразделения которых осуществляют деятельность по соответствующей образовательной программе. Немаловажную роль в формировании практических навыков и компетенций будущих юристов при прохождении практики в структурных подразделениях юридических вузов имеет правильный выбор структурного подразделения. При решении вопроса о выборе структурного подразделения образовательной организации в качестве места прохождения практики целесообразно направлять студентов в подразделения, в которых созданы условия для решения практических задач, существующих в реальной действительности.

С учетом выявленных проблем применения нормативных положений предлагается авторская трактовка термина «профильная организация», формулируются предложения о внесении изменений в Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата).

Ключевые слова: высшее образование, образовательные организации, юридическое образование, практика студентов, профильные организации.

The Problems of Implementation of Statutory Provisions on the Place of Traineeship for Law Students

N. I. Kalashnik

*Altai State University
61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: nat.kalashnik@gmail.com*

M. A. Neymark

*Altai State University
61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: neymark.m@mail.ru*

The article is concerned with the analysis of the provisions of the normative legal acts that determine the places of traineeship for students who study for a professional university degree. The content of the term "profile organization" has been analyzed for the proper implementation of statutory provisions concerning the place of traineeship. This seems relevant, since the analysis of legal application of these acts while arranging the training practice for law students indicates that there is no unified approach to understanding the term "profile organization". The article proves that in order to strengthen the practical slant of the education of students of law, we should consider as places for traineeship both

organizations whose activities correspond to professional competencies acquired within the framework of the main professional university programs, and organizations whose legal functions operate in accordance with the corresponding educational program. The right choice of a functional unit while taking a traineeship in a law school has a significant importance for building practical skills and competencies of future lawyers. When deciding on the choice of a functional unit of an educational organization as a place for traineeship, it is advisable to send students to units with environment that promotes meeting practical challenges of the reality. The authors propose an interpretation of the term "profile organization" in the context of problems identified in the application of the statutory provisions, as well as initiate a move to amend the Federal State Educational Standard for the graduate degree in 40.03.01 Jurisprudence (bachelor's degree).

Key words: graduate education, educational organizations, legal education, student traineeship, profile organizations.

Внимание образовательной организации к проблеме профессионального становления студентов является гарантией их успешной деятельности по выбранной специальности. Особую важность представляет вопрос создания условий для профессионального становления студентов-юристов в период обучения в высшем учебном заведении. Так, В.Н. Сулима справедливо указывает, что процесс получения высшего образования будет более эффективным, если он будет взаимосвязанным с процессом профессионализации студентов во время обучения в вузе [Сулима 2017].

Высшее юридическое образование предоставляет возможность профессиональной реализации в различных сферах деятельности. По нашему мнению, успешность труда в области юриспруденции во многом зависит от умения выпускников юридических вузов решать конкретные практические задачи при исполнении обязанностей по различным юридическим специальностям. Формирование таких умений должно осуществляться в ходе всего образовательного процесса в юридическом вузе. Важную роль при этом играет организация практики студентов. Именно в процессе практики у студентов может быть сформирован опыт практической деятельности, отношение к профессии, а также возможность соотнести их психологические качества с содержанием различных юридических специальностей. Решение этих задач возможно только при условии правильного выбора места прохождения практики.

Согласно п. 6 ст. 13 Федерального закона от 29.12.2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» основные профессиональные образовательные программы предусматривают проведение практики обучающихся [Федеральный закон N 273-ФЗ: URL]. Включение практик в образовательные программы способствует формированию компетенций, предусмотренных федеральными государственными образовательными стандартами, позволяет студенту оценить уровень его подготовки к осуществлению профессиональной деятельности и определиться с возможной сферой трудоустройства.

Требования к организации и проведению практики устанавливаются федеральными государственными образовательными стандартами и Положением о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 27 ноября 2015 г. № 1383), которое распространяется на организации, осуществляющие образовательную деятельность по основным профессиональным образовательным программам высшего образования (далее - ОПОП ВО) в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования, образовательными стандартами, разработанными и утвержденными образовательными организациями высшего образования, имеющими право самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты [Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 27.11.2015: URL].

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 1 декабря 2016 г. № 1511) предусматривает, что обучающиеся проходят учебную и производственную практики. Положение о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования, устанавливает, что организация проведения практики, предусмотренной ОПОП ВО, осуществляется организациями на основе договоров с организациями, деятельность которых соответствует профессиональным компетенциям, осваиваемым в рамках ОПОП ВО (далее – профильная организация). Практика может быть проведена непосредственно в организации (п.8). Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) предусматривает, что учебная (по получению первичных профессиональных умений и навыков) и (или) производственная (по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности) практики могут проводиться в структурных подразделениях образовательной организации (п. 6.7). Таким образом, местом прохождения практики студентов, получающих юридическое образование (уровень бакалавриата), могут быть либо профильные организации, либо структурные подразделения образовательной организации.

Для надлежащей реализации нормативных предписаний о месте прохождения практики важно определить правильное толкование (интерпретацию) термина «профильная организация». Это представляется актуальным, так как анализ практики применения указанных актов при организации практики студентов юридических вузов свидетельствует об отсутствии единого подхода к пониманию данного понятия.

Положение о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования, определяет профильные организации как организации, деятельность которых соответствует профессиональным компетенциям, осваиваемым в рамках ОПОП ВО. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) выпускники готовятся к таким видам профессиональной деятельности как нормотворческая, правоприменительная, правоохранительная, экспертно-консультационная (п. 4.3). Профессиональные компетенции, которыми должен обладать выпускник, установлены стандартом в соответствии с данными видами профессиональной деятельности (например, нормотворческая деятельность: способность участвовать в разработке нормативных правовых актов в соответствии с профилем своей профессиональной деятельности (ПК-1); правоприменительная деятельность: способность осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры (ПК-2)).

По нашему мнению, при проведении практики обучающихся, осваивающих образовательную программу по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), профильными следует считать организации, в процессе функционирования которых имеет место осуществление деятельности, на которую (которые) ориентирована программа бакалавриата. Следовательно, если хотя бы одно структурное подразделение организации осуществляет вид (виды) профессиональной деятельности, предусмотренные Федеральным государственным образовательным стандартом, то такая организация является профильной. Предложенный подход интерпретации термина «профильная организация» позволяет отнести к профильным организациям не только органы государственной власти и местного самоуправления, суды разных уровней и компетенций, органы внутренних дел, прокуратуры и Следственного комитета РФ, адвокатские образования, юридические консультации, нотариальные конторы (частно-

практикующих нотариусов), но и (здесь и далее выделено нами – Н.К., М.Н.) *государственные или негосударственные (коммерческие) организации, имеющие в своей структуре юридические отделы (или подразделения)*.

Предложенная интерпретация термина «профильная организация» в полной мере соответствует профильной подготовке студентов-юристов, позволяет им изучить различные сферы юридической деятельности и способствует формированию профессиональной идентичности. Прохождение практики в органах государственной власти и местного самоуправления актуально для студентов, выбравших государственно-правовой профиль. В судебные органы, органы внутренних дел, прокуратуру и Следственный комитет Российской Федерации, как правило, направляются на практику студенты, изучающие дисциплины уголовно-правового профиля. Для студентов гражданско-правового профиля в качестве мест прохождения практики целесообразно выбрать государственные или негосударственные (коммерческие) организации. Такой подход к определению профильных организаций позволит подготовить выпускника, способного решать профессиональные задачи и обладающего компетенциями, предусмотренными федеральным государственным образовательным стандартом.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) учебная и (или) производственная практики также могут проводиться в структурных подразделениях образовательной организации. Выбор структурного подразделения в качестве места прохождения практики осуществляется самой образовательной организацией.

Законодательство не содержит определения термина «структурное подразделение образовательной организации». Согласно ст. 27 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» образовательные организации самостоятельны в формировании своей структуры, если иное не установлено федеральными законами (п.1). Образовательная организация может иметь в своей структуре различные подразделения, обеспечивающие осуществление образовательной деятельности с учетом уровня, вида и направленности реализуемых образовательных программ, формы обучения и режима пребывания обучающихся (п.2 ст.27).

Отсутствие ограничений в выборе структурного подразделения образовательной организации в качестве места прохождения практики позволяет направлять студентов на практику на кафедры юридического факультета (института). Однако нам представляется, что такой подход не соответствует назначению практики. Согласно ст.2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» практика – это вид учебной деятельности, направленной на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенции в процессе выполнения определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью. Следовательно, основное назначение практики состоит в профессионально-практической подготовке обучающихся. Включение практики в образовательные программы обусловлено необходимостью подготовки выпускников, имеющих навыки решения профессиональных задач.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом лица, освоившие программу бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, должны быть готовы решать следующие профессиональные задачи: разработка нормативных правовых актов и их подготовка к реализации; обоснование и принятие в пределах должностных обязанностей решений, а также совершение действий, связанных с реализацией правовых норм; составление юридических документов; обеспечение законности, правопорядка, безопасности личности, общества и государства; охрана общественного порядка; предупреждение, пресечение, выявление, раскрытие и расследование правонарушений; защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности; консультирование по вопросам права; осуществление правовой экспертизы документов (п. 4.4).

В полной мере формирование практических навыков и компетенций, необходимых для решения предусмотренных стандартом профессиональных задач, возможно, если при прохождении практики студенты участвуют в оказании юридических услуг, либо включаются в деятельность организаций, правоохранительных органов, органов власти. Поэтому в качестве мест прохождения практики должны определяться такие структурные подразделения образовательной организации, в которых созданы условия для получения опыта решения реальных практических задач.

Законодательство предусматривает возможность создания образовательной организацией структурных подразделений, ориентированных на практическую подготовку обучающихся. В соответствии со ст. 23 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [Федеральный закон: URL] образовательные организации высшего образования могут создавать юридические клиники. Одной из целей создания таких клиник является формирование у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи (п.1). Юридические клиники могут оказывать гражданам бесплатную юридическую помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме, составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера (п.4). В оказании бесплатной юридической помощи юридическими клиниками участвуют лица, обучающиеся по юридической специальности в образовательных организациях высшего образования, под контролем лиц, имеющих высшее юридическое образование, ответственных за обучение указанных лиц и деятельность юридической клиники в образовательной организации высшего образования (п.5). Юридическая клиника вуза позволяет сформировать у студентов практические навыки, необходимые в их будущей профессиональной деятельности, предоставляет возможность заниматься самостоятельным исследованием и позволяет решать профессиональные юридические задачи самостоятельно [Докучаева, Швецов 2011]. Благодаря работе в юридической клинике, студенты начинают хорошо ориентироваться в правоприменительной и законодательной базе, учатся составлять различные процессуальные документы, а также быть вежливым при консультации граждан. Здесь студент готовится к реальной работе в максимально приближенных условиях под непосредственным контролем руководителя юридической клиники [Воропаев 2017].

Так как Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» предоставляет образовательным организациям право самостоятельно формировать свою структуру, в целях осуществления практической подготовки обучающихся на юридических факультетах (институтах) могут быть созданы и иные структурные подразделения, оказывающие различные юридические услуги. Это могут быть центры правовой помощи, оказывающие на платной основе юридические услуги гражданам, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, центры примирительных процедур (медиации), офисы правовой экспертизы и другие.

Участвуя в работе таких структурных подразделений, студенты приобретают опыт оказания юридических услуг при реальном взаимодействии с лицами, заинтересованными в правовой помощи. Прохождение практики в таких условиях повышает уровень ответственности обучающихся за результат выполненной ими работы и мотивирует к повышению уровня профессиональной подготовки.

Согласно ст. 27 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» образовательными организациями высшего образования могут создаваться кафедры и иные структурные подразделения, обеспечивающие практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы (п.3). Порядок создания таких структурных подразделений регламентируется Приказом Минобрнауки России от 14.08.2013 N 958 «Об утверждении

Порядка создания профессиональными образовательными организациями и образовательными организациями высшего образования кафедр и иных структурных подразделений, обеспечивающих практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы» [Приказ Минобрнауки России: URL]. Целью создания указанных структурных подразделений является практическая подготовка обучающихся по соответствующей образовательной программе.

Образовательные организации, осуществляющие подготовку юристов, создают базовые кафедры в судебных органах, адвокатских палатах, органах исполнительной власти и в иных организациях, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы. Деятельность таких кафедр направлена на формирование, закрепление и развитие умений и компетенций, включая возможность проведения всех видов учебных занятий и осуществления научной деятельности.

Прохождение практики на базовой кафедре позволяет студентам составить представление о направлениях деятельности определенного органа власти, организации, формирует опыт выполнения работы по различным юридическим специальностям, способствует становлению профессиональной идентичности.

По нашему мнению, решая вопрос о выборе структурного подразделения организации в качестве места проведения учебной или производственной практики, целесообразно направлять студентов в такие структурные подразделения организации, в которых созданы условия для решения практических задач, существующих в реальной действительности. Такая организация практики способствует практической ориентированности образовательного процесса и позволяет значительно повысить качество подготовки юристов посредством преодоления разрыва между теоретической подготовкой и навыками решения практических заданий [Калашник, Неймарк 2018: 36].

На основании приведенных выше аргументов считаем правильным внести изменения в абз. 8 п. 6.7 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) и изложить его в следующей редакции: «Учебная и (или) производственная практики могут проводиться в структурных подразделениях организации, обеспечивающих практическую подготовку обучающихся».

Вузовская подготовка является важной стадией профессионального становления будущих юристов. В период обучения в вузе студент, как правило, делает осознанный выбор юридической специальности и получает знания, умения и навыки, необходимые для профессиональной реализации. Предлагаемые нами интерпретация термина «профильная организация» и изменения Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) способствуют формированию у студентов опыта практической работы в различных сферах юридической деятельности, что является важным условием профессиональной успешности выпускников юридических вузов.

Литература

- Сулима В.Н. Личностно-профессиональное развитие студентов в период обучения в высшем учебном заведении / Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-professionalnoe-razvitie-studentov-v-period-obucheniya-v-vysshem-uchebnom-zavedenii>.
- Федеральный закон от 29.12.2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/70291362/>
- Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 27.11.2015 N 1383 «Об утверждении Положения о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования». URL: <https://base.garant.ru/71288178/>
- Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2016 N 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)». URL: <https://base.garant.ru/71579274/>
- Федеральный закон от 21.01.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». URL: <http://https://base.garant.ru/12191964/>
- Докучаева И.М., Швецов Н.М. Роль юридических клиник вузов в формировании профессиональных навыков будущего юриста / Сибирский педагогический журнал. – 2011. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yuridicheskikh-klinik-vuzov-v-formirovanii-professionalnyh-navykov-budushego-yurista>
- Воропаев И.Г. Роль студенческих юридических клиник в современной России / Вестник экспертного совета. – 2017. – № 4(11). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-studencheskikh-yuridicheskikh-klinik-v-sovremennoy-rossii>
- Приказ Минобрнауки России от 14.08.2013 N 958 «Об утверждении Порядка создания профессиональными образовательными организациями и образовательными организациями высшего образования кафедр и иных структурных подразделений, обеспечивающих практическую подготовку обучающихся, на базе иных организаций, осуществляющих деятельность по профилю соответствующей образовательной программы». URL: <https://base.garant.ru/70447784/>
- Калашник Н.И., Неймарк М.А. Практика студентов юридических вузов как форма практико-ориентированной модели обучения / Правовая мысль в образовании, науке и практике: научный журнал. – 2018. – №4 (8). – С. 36-38.

References

- Sulima V.N. Personal and Professional Development of Students During their Studies at a Higher Educational Institution / Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sotsiogenetiki. – 2017. – No. 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-professionalnoe-razvitie-studentov-v-period-obucheniya-v-vysshem-uchebnom-zavedenii> (In Russian)
- Federal Law No. 29.12.2012 г. N 273-ФЗ "On Education in the Russian Federation". URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (In Russian)
- Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 27.11.2015 N 1383 "On Approval of the Regulations on the Practice of Students who master the Main Professional Educational Programs of Higher Education". URL: <https://base.garant.ru/71288178/> (In Russian)
- Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 01.12.2016 N 1511 " On Approval of the Federal State

Educational Standard of Higher Education in the Field of Training 40.03.01 Jurisprudence (Bachelor's Level)". URL: <https://base.garant.ru/71579274/> (In Russian)

Federal Law No. 324-FZ of 21.01.2011 "On Free Legal Aid in the Russian Federation". URL: <https://base.garant.ru/12191964/> (In Russian)

Dokuchaeva I.M., Shvetsov N.M. The Role of Legal Clinics of Universities in the Formation of Professional Skills of the Future Lawyer / Siberian Pedagogical Journal. – 2011. – No 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yuridicheskikh-klinik-vuzov-v-formirovanii-professionalnyh-navykov-buduschego-yurista> (In Russian)

Voropaev I.G. The Role of Student Legal Clinics in Modern Russia / Bulletin of the Expert Council. – 2017. – No 4 (11). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-studencheskikh-yuridicheskikh-klinik-v-sovremennoy-rossii> (In Russian)

Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 14.08.2013 N 958 "An Approval of The Order of Creation by Professional Educational Organizations and Educational Organizations of Higher Education of Departments and other Structural Divisions Providing Practical Training of Students on the Basis of other Organizations that Carry out Activities in the Profile of the Corresponding Educational Program". URL: [http:// https://base.garant.ru/70447784/](http://https://base.garant.ru/70447784/) (In Russian)

Kalashnik N.I., Neymark M.A. The Practice of Law Students as a Form of Practice-oriented Model of Learning / Legal Thought in Education, Science and Practice: Scientific Journal. – 2018. – No4 (8). – P. 36-38. (In Russian)

Citation:

Калашник, Н.И. Неймарк, М.А. Проблемы реализации нормативных предписаний о месте прохождения практики студентов юридических вузов // Юрислингвистика. – 2020. – 15. – С. 8-12.

Kalashnik, N.I. Neymark, M.A. (2020). The Problems of Implementation of Statutory Provisions on the Place of Traineeship for Law Students. Legal Linguistics, 15, 8-12.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проблемы определения понятия «изменение обстановки» в ст. 80.1 УК РФ

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

Статья посвящена исследованию понятия «изменение обстановки» как основания освобождения от наказания. Автор придерживается позиции необходимости использования в законе только тех терминов, которые раскрыты через понятные всем признаки. В качестве нормы, которая не соответствует этому критерию, исследуется статья 80.1 УК РФ. Автор утверждает, что содержание этой нормы не позволяет сформировать четкое представление о содержании понятия. В качестве доказательства приводятся многочисленные примеры из правоприменительной практики, иллюстрирующие разрозненность представлений работников следственных и судебных органов относительно исследуемого института уголовного права. Каждый правоприменитель, ввиду отсутствия четких формулировок, вынужден самостоятельно толковать норму, наполняя ее произвольным содержанием. Такой подход, конечно же, недопустим. Тем более что зачастую применяемые трактовки далеки от основной идеи института освобождения от наказания в связи с изменением обстановки и допускают смешение или подмену другими уголовно-правовыми терминами. В некоторых случаях суды считают возможным вообще не указывать конкретные обстоятельства, свидетельствующие об изменении обстановки после совершения преступления. Приведены примеры из практики, когда суды вместо приведения аргументов об изменении обстановки просто перечисляют обстоятельства, смягчающие наказание, называют обстоятельства, которые должны учитываться при назначении наказания, указывают на признаки деятельного раскаяния или примирения с потерпевшим. Такое положение дел автор считает недопустимым и предлагает в качестве альтернативных вариантов решения проблемы либо внесение соответствующих изменений в статью 80.1 УК РФ, которые бы уточнили понятие, либо отказ от этого института уголовного права.

Ключевые слова: изменение обстановки, освобождение от наказания, утрата общественной опасности, техника уголовного закона.

Problems of Defining the Concept of «Change of Situation» in Art. 80.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

N.V. Tydykova

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article discusses the concept of “change of situation” as the basis for release from punishment. The author adheres to the position of the need to use in the law only those concepts that are revealed through signs that are understandable to everyone. Article 80.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is examined as a norm that does not meet this criterion. The author claims that the content of this norm does not allow a clear idea of the content of the concept. As evidence, numerous examples from law enforcement practice are given, illustrating the inconsistency of understanding the studied Institute of criminal law by investigative personnel and the judiciary. Each law enforcement officer, due to the lack of clear wording, is forced to interpret the norm independently, filling it with arbitrary content. This approach, of course, is unacceptable. Moreover, the interpretations often used are far from the main idea of the institution of release from punishment due to change in a situation and allow confusion or substitution of the term with other criminal law terms. In some cases, the courts consider it possible not to show specific circumstances at all, though they indicate a change in situation after the commission of the crime. Examples are given from practice where, instead of bringing arguments about change in situation, the law enforcement officer simply lists circumstances mitigating the punishment, names circumstances that should be taken into account when sentencing, names signs of active remorse or reconciliation with the victim. The author considers this state of affairs unacceptable and proposes, as alternative options for solving the problem, either introducing appropriate amendments to Article 80.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to clarify the concept, or rejecting this institution of criminal law.

Key words: change of situation, release from punishment, loss of social danger, criminal law technique.

Одним из очевидных требований к тексту любого закона, в том числе и уголовного, является ясность используемых понятий. Если какое-то понятие требует объяснений через признаки, то они тоже должны быть сформулированы максимально определенно. В противном случае применение нормы будет затруднено. Однако, к сожалению, не все нормы уголовного закона отвечают указанному требованию, что создает существенные сложности для правоприменителя. Примером такой нормы является статья 80.1 УК РФ.

В ст. 80.1 УК сказано, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. При этом само понятие «изменение обстановки» нигде далее в тексте Уголовного кодекса РФ не разъясняется. Нет соответствующих разъяснений и от Верховного суда РФ. Анализ правоприменительной практики показывает, что судьи вкладывают в это понятие разное содержание. Приводимые ниже варианты толкования термина вряд ли можно считать обоснованными.

Зачастую изменение обстановки путается с декриминализацией деяний. Изменение обстановки является отражением изменения фактического образа жизни, но не закона. Хотя в литературе отмечается, что примеры такого ошибочного толкования в законе можно встретить в правоприменительной практике [Жоголева 2005: 312 – 314]. Целенаправленный поиск таких материалов также подтверждает, что суды под изменением обстановки понимают изменение самого уголовного закона [Постановление Президиума Ивановского областного суда: URL]. Конечно, и в этом случае необходимо принять правильное процессуальное решение относительно судьбы уголовного дела, но, скорее всего, оно не должно быть связано с рассматриваемым институтом.

Думается, что при декриминализации деяний примером правильного решения вопроса может быть следующий случай. П. совершил покушение на незаконное предпринимательство. Федеральным законом N 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в ст. 169 УК РФ, согласно которой крупным признается размер дохода, превышающий 1.500.000 рублей, а особо крупным - 6.000.000 рублей. Таким образом, преступность совершенного им деяния была устранена. В связи с изменением обстановки П. был освобожден от наказания на основании ст. 80.1 УК РФ. Вышестоящая инстанция такой приговор законным не признала, производство по делу было прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления [Постановление Президиума Красноярского краевого суда: URL].

Другой проблемой в понимании рассматриваемого правового явления является нечеткость формулировок, используемых законодателем, когда он говорит об утрате общественной опасности самого лица, совершившего преступление. Суды достаточно часто в обоснование изменения обстановки по признаку утраты общественной опасности лицом, совершившим преступление, просто перечисляют обстоятельства, смягчающие наказание. Так, например, суд счел возможным освободить А. от назначенного ему по ч. 1 ст. 285 УК РФ наказания на основании ст. 80.1 УК РФ, поскольку он ранее не судим, положительно характеризуется по месту работы и жительства, с момента окончания преступления до настоящего времени никаких противоправных действий не совершал [Апелляционное постановление: URL].

Иногда суды просто называют некоторые обстоятельства, которые должны учитываться при назначении наказания. Например, по одному делу суд указал, что с учетом отношения К. к содеянному, ее раскаяния, свидетельствующих о том, что в настоящее время она не представляет опасности для общества, освободить ее от наказания на основании ст. 80.1 УК РФ [Постановление Президиума Челябинского областного суда: URL].

Представляется, что такая интерпретация нормы вряд ли может быть принята за образец, поскольку в этом случае в любом уголовном деле можно будет найти основания для освобождения виновного от уголовного наказания.

В правоприменительной практике можно встретить множество примеров тому, что рассматриваемое основание освобождения от наказания смешивается со смежными уголовно правовыми институтами – деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим.

Например, суд установил, что С. перестала быть общественно опасной и подлежит освобождению от наказания в связи с изменением обстановки на том основании, что она впервые совершила преступление небольшой тяжести, полностью признала вину в содеянном, активно способствовала раскрытию и расследованию преступления, родила ребенка, занимается его воспитанием, с момента совершения преступления прошло более двух лет [Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам: URL]. Вряд ли можно согласиться с таким решением вопроса, так как из изложенных обстоятельств вытекает возможность применить другие нормы УК РФ.

Иногда в материалах дел одновременно указываются обстоятельства, свидетельствующие о деятельном раскаянии и обстоятельства, которым нельзя придать правовое значение, а поэтому их наличием нельзя обосновать изменение обстановки. Например, Л. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного статьей 199.2 Уголовного кодекса РФ по эпизодам, связанным с сокрытием денежных средств от взыскания задолженности по уплате НДС. На основании статьи 80.1 Уголовного кодекса РФ Л. освобождена от назначенного наказания вследствие изменения обстановки, так как под ее руководством сельхозпредприятиям, в том числе в сложных условиях засухи и экономического кризиса, удалось сохранить поголовье скота и площадь обрабатываемых сельскохозяйственных угодий; приняты значительных усилий по погашению ранее имевшейся задолженности по налогам, большая часть которой была погашена [Постановление Президиума Верховного суда Удмуртской Республики: URL]. Крайне необидителен довод суда о том, что руководительские заслуги лица каким-то образом влияют на изменение обстановки и делают деяние или само лицо общественно опасными.

Анализ практики показывает, что иногда суды применяют рассматриваемую норму, вообще не называя конкретные обстоятельства, с которыми они связывают изменение обстановки [Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия): URL].

Изучение материалов практики позволяет найти материалы, где суды указывают обстоятельства, которые не имеют отношения к утрате лицом общественной опасности. Например, освобождение П. от наказания было вызвано изменением обстановки, обусловленной увольнением П. по сокращению штатов, в связи с чем она перестала быть общественно опасной [Обобщение судебной практики: URL]. Представляется, что увольнение после совершения преступления вряд ли является обстоятельством, гарантирующим утрату общественной опасности лица. В приведенном примере обстоятельства ситуации вообще не зависели от воли виновного лица.

В свете такого разнообразия правоприменительных заблуждений возникает закономерный вопрос о том, какой подход можно считать правильным. В условиях отсутствия четких законодательных установок, думается, это должна быть такая ситуация, которая соответствует идее освобождения от уголовного наказания в случаях, когда при признании лица виновным в совершении преступления, привлечении его к уголовной ответственности, применение наказания будет нецелесообразным. При этом крайне важно не подменять это основание схожими уголовно-правовыми институтами, иначе теряется смысл его существования в УК РФ. В качестве примера обоснованного применения статьи 80.1 УК РФ можно привести следующее дело. Суд установил, что в период уклонения К. от призыва на военную службу у него возникло право на отсрочку от этой службы и содеянное им перестало быть общественно опасным вследствие изменения обстановки [Апелляционное постановление Московского городского суда: URL].

На сложности в определении рассматриваемого понятия указывают различные авторы [Бриллиантов 2018: 10-14; Мальцев 2008: 23-

26]. Отсутствие четкой нормы материального права влечет процессуальные сложности [Михайлов 2008: 95-97]. Видится необходимость внесения изменений в текст УК РФ, направленных на уточнение этого понятия, и формирования единой правоприменительной практики, если законодатель считает необходимым развитие этого института уголовного права. Другим вариантом решения проблемы в литературе предлагается отказ от этого института уголовного права, так как за долгие годы опыта его применения адекватной практики так и не наработано [Файзуллина 2012: 280-284]. Иногда можно встретить пожелания о разъяснениях на уровне соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ [Неудахина 2004: 84-87]. Ввиду масштабности проблемы рассматриваемого понятия, отсутствия базовых законодательных позиций относительно него, вряд ли стоит согласиться с таким мнением, ведь Верховный Суд РФ – не законодательный орган, он не может создавать нормы права, а лишь их толкует. Сложно дать толкование того, у чего нет внятного определения.

Таким образом, отсутствие в науке и правоприменительной практике понимания содержания термина «изменение обстановки» требует внесения изменений в текст Уголовного кодекса РФ. Для формулирования сути этих изменений необходимы дополнительные исследования.

Литература

Жоголева Е.В. Изменение уголовного закона как разновидность изменения обстановки / Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной науч.-практ. конференции, г. Екатеринбург. 27 – 28 января 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 312 – 314.

Постановление Президиума Ивановского областного суда от 14.02.2014 N 44у-9/14 / СПС Консультант. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=18287621890663604547290428&cacheid=4F22F3A7F117B6C6AF3CE46B27177FB3&mode=splus&base=SOCN&n=387600&rnd=0.17774918282628027#1p9uhkdbdt>

Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 03.08.2010 по делу N 44У-524/2010 / СПС Консультант. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1980954259044665862871755113&cacheid=026EC6069097527F686DCD2D4A6D44B1&mode=splus&base=SOSB&n=247723&rnd=0.17774918282628027#xrc65k7yt>

Апелляционное постановление № 22-4154/2019 от 28 августа 2019 г. по делу № 1-19/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2IHUzU0UsLNh/>

Постановление Президиума Челябинского областного суда от 06.06.2012 N 44у-196/2012 / СПС Консультант. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=68992#013751045071749046>

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2019 N 74-УД19-4 / СПС Консультант. URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=600418#028034240693190804>

Постановление Президиума Верховного суда Удмуртской Республики от 03.10.2014 N 44г-36/2014 / СПС Консультант. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=358612#09751121188815177>

Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 19.04.2019 по делу N 44У-38/2019 / СПС Консультант. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=129174#022465879792140853>

Обобщение судебной практики по применению судами Свердловской области положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, регулирующей изменение категорий преступлений / СПС Консультант URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=129174#012856236188818992>

Апелляционное постановление Московского городского суда от 12.09.2017 по делу N 10-13838/2017 / СПС Консультант. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=940159#07061477120281141>

Бриллиантов А.В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки / Уголовное право. – 2018. – N 3. – С. 10 – 14.

Мальцев В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки / Уголовное право. – 2008. – №6. – С. 23-26.

Михайлов А.Н. Процессуальная форма принятия решения об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки / Бизнес в законе. – 2008. – № 3. – С. 95 – 97.

Файзуллина Д.Р. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки: необходимость или архаизм советского судебного усмотрения? / Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 1 (21). – С. 280 – 284.

Неудахина О.М. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки / Российский юридический журнал. – 2004. – № 2 (42). – С. 84 – 87.

References

Zhogoleva E.V. Amendment of the criminal law as a kind of change in the situation / Fifty years the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law Academy (UIS): materials of the International scientific-practical. conferences, Ekaterinburg. January 27 - 28, 2005 - Yekaterinburg, 2005. -- P. 312 - 314. (In Russian).

2. Resolution of the Presidium of the Ivanovo Regional Court of February 14, 2014 No. 44u-9/14 / ATP Consultant. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (In Russian).

3. The decision of the Presidium of the Krasnoyarsk Regional Court of 03.08.2010 in the case of N 44U-524/2010 / ATP Consultant. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1980954259044665862871755113&cacheid=026EC6069097527F686DCD2D4A6D44B1&mode=splus&base=SOSB&n=247723&rnd2187780r27> (In Russian).

Appeal resolution No. 22-4154 / 2019 of August 28, 2019 in case No. 1-19 / 2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2IHUzU0UsLNh/> (In Russian).

The decision of the Presidium of the Chelyabinsk regional court of 06.06.2012 N 44u-196/2012 / ATP Consultant. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=68992#013751045071749046> (In Russian).

Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of September 17, 2019 N 74-UD19-4 / ATP Consultant. URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=600418#028034240693190804> (In Russian).

Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Udmurt Republic of 03.10.2014 N 44g-36/2014 / ATP Consultant. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=358612#09751121188815177> (In Russian).

Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of 04.19.2019 in the case N 44U-38/2019 / ATP Consultant. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=129174#022465879792140853> (In Russian).

A generalization of judicial practice on the application by the courts of the Sverdlovsk region of the provisions of Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the change of categories of crimes / ATP Consultant URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=129174#012856236188818992> (In Russian).

Appeal ruling of the Moscow City Court of September 12, 2017 in the case N 10-13838 / 2017 / ATP Consultant. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=940159#07061477120281141> (In Russian).

Diamonds A.V. Exemption from punishment due to a change in situation / Criminal law. - 2018. - N 3. - P. 10–14. (In Russian).

Maltsev V. Exemption from punishment in connection with a change in the situation / Criminal law. - 2008. - No. 6. - P. 23-26. (In Russian).

Mikhailov A.N. The procedural form of making a decision on exemption from punishment in connection with a change in situation / Business in law. - 2008. - No. 3. - P. 95 - 97. (In Russian).

Fayzullina D.R. Exemption from punishment due to a change in situation: the need or archaism of Soviet judicial discretion? Actual problems of economics and law. - 2012. - No. 1 (21). - P. 280 - 284. (In Russian).

Neudakhina O.M. Exemption from punishment due to a change in situation / Russian Law Journal. - 2004. - No. 2 (42). - P. 84 - 87. (In Russian).

Citation:

Тыдыкова, Н.В. Проблемы определения понятия «изменение обстановки» в ст. 80.1 УК РФ. // Юрислингвистика. – 2020. – 15. – С. 13-16.

Tudykova, N.V. (2020). Problems of Defining the Concept of «Change of Situation» in Art. 80.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Linguistics, 15, 13-16.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Оппозиция речевых актов одобрения и оправдания в сфере судебной лингвистической экспертизы

И. В. Жарков

*РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»
129164, Москва, а/я 110, ГЛЭДИС, E-mail: linguexpert@gmail.com*

Е. А. Колтунова

*РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»
129164, Москва, а/я 110, ГЛЭДИС, E-mail: koltunova52@yandex.ru*

Статья содержит описание предлагаемого авторами подхода к задаче разграничения понятий оправдания и одобрения в контексте судебно-экспертных лингвистических исследований. В настоящее время в лингвистике отсутствует единая, общепринятая классификация речевых актов. Вместе с тем понятийный аппарат и методы теории речевых актов активно применяются в сфере судебной лингвистической экспертизы. Следовательно, актуальной для экспертного сообщества является сегодня задача унификации трактовки тех терминов и обозначаемых ими категорий теории речевых актов, которые оказались наиболее востребованными в экспертизе. Применяемые в настоящее время в лингвистической судебно-экспертной практике понятия речевых актов оправдания и одобрения обладают значительным сходством; разграничение этих понятий, которое, как показывает практика, не всегда представляет собой тривиальную задачу и может иметь решающее значение для судебного спора. Авторы считают необходимым учитывать, что понятие публичное оправдание терроризма в том виде, как оно определено в Примечании 1 к ст. 205.2 УК РФ, соотносится в терминах теории речевых актов не с речевым актом оправдания, но в большей степени с речевым актом одобрения. Предлагаемый в статье подход обоснован авторами с опорой на (1) общепризнанные лексикографические данные, (2) методические разработки ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, прошедшие проверку в реальных судебных делах и получившие заслуженное признание, и (3) анализ подлежащей обязательному применению дефиниции, введенной законодателем.

Ключевые слова: речевой акт; оправдание; одобрение; публичное оправдание терроризма.

The Speech Acts of Approval and Acquittal in the Forensic Linguistic Examination

I.V. Zharkov

*RPO "Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes"
129164, Moscow, PO Box 110, GLEDIS, E-mail: linguexpert@gmail.com*

E.A. Koltunova

*RPO "Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes"
129164, Moscow, PO Box 110, GLEDIS, E-mail: koltunova52@yandex.ru*

The article describes the approach proposed by the authors to the problem of distinguishing between the concepts of justification and approval in the context of forensic linguistic research. Currently, linguistics lacks a single, generally accepted classification of speech acts. At the same time, the conceptual apparatus and methods of the theory of speech acts are actively used in the field of judicial linguistic examination. Therefore, the urgent task for the expert community today is to unify the interpretation of those terms and the categories of the theory of speech acts that they designate that turned out to be the most popular in the examination. The concepts of justification and approval speech acts currently used in linguistic forensic practice have significant similarities; the distinction between these concepts, which, as practice shows, is not always a trivial task and may be crucial for litigation. The authors consider it necessary to take into account that the concept of public justification of terrorism in the form as defined in Note 1 to Article 205.2 of the Criminal Code, is correlated in terms of the theory of speech acts not with RA justification, but more with RA approval. The approach proposed in the article is justified by the authors based on (1) generally accepted lexicographic data, (2) methodological developments of the Federal State Budgetary Institution of the RFCE under the Ministry of Justice of Russia, which have been tested in real court cases and have received well-deserved recognition, and (3) an analysis of the definition to be applied by the legislator.

Key words: speech act; justification; approval; public justification of terrorism.

В современной лингвистике теория речевых актов (РА) все еще находится в процессе становления, именно поэтому исследователями, разрабатывающими это направление, выделяется различное количество классов и по-разному распределяются внутри них конкретные речевые акты. В то же время наблюдается весьма обширная практика систематического обращения к понятийному аппарату теории РА при производстве судебных лингвистических экспертиз. При этом представляется вполне очевидным, что лингвисту, работающему в указанной прикладной области, следует всегда помнить о том, что действующее законодательство о судебно-экспертной деятельности (СЭД) прямо предписывает необходимость использования при производстве экспертиз лишь таких научных достижений, которые имеют статус общепризнанных, и требует соблюдения принципов объективности и проверяемости (воспроизводимости) результатов экспертного исследования. В такой ситуации для обеспечения возможности применения в судебно-экспертной деятельности понятийного аппарата и методов теории речевых актов от экспертного сообщества требуются дополнительные усилия по унификации трактовки тех терминов и обозначаемых ими категорий теории РА, которые оказываются востребованными в сфере СЭД. Следовательно, выявление существенных лингвистических признаков и свойств конкретных РА, а также оттенков их смысла является чрезвычайно актуальной проблемой.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены два близких РА – одобрение и оправдание.

Словарное значение понятий одобрение и оправдание является чрезвычайно сходным. Так, по данным «Современного толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова в редакции 2004 года:

- одобрение – действие по значению гл. одобрять; признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала». В свою очередь глагол «одобрить» реализует следующее значение: Положительно, с похвалой отозваться о действиях кого-либо; счесть правильным поступок, поведение кого-л. // Принять что-л., согласиться с чем-либо;

- оправдание – 1. действие по значению гл. оправдать. 2. Приговор суда, содержащий признание невиновности подсудимого. 3. Доводы, объяснения, позволяющие оправдать, извинить кого-, что-л. Глагол «оправдать» имеет следующие словарные значения: 1. Вынести судебный приговор, содержащий признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания. 2. Признать правым, поступившим непредосудительно. 3. Признать ч.-либо возможным, непредосудительным. 4. Показать себя достойным чего-л., заслуживающим чего-л. (о. надежды). 5. Возместить, окупить (расходы) [Кузнецов 2004: 456].

«Большой толковый словарь» под ред С. А. Кузнецова в редакции 2014 г. дает несколько иное толкование:

- одобрение – Признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала. Одобрить – Положительно, с похвалой отозваться о действиях кого-либо; счесть правильным поступок, поведение кого-л. // Принять что-либо, согласиться с чем-либо;

- оправдание – 1. К оправдать. 2. Приговор суда, содержащий признание невиновности подсудимого. 3. Признание кого-л. невиновным, поступившим непредосудительно; доводы, объяснения, позволяющие оправдать, извинить кого-, что-л. 4. Обоснование целесообразности, закономерности, справедливости чего-л. 5. Возмещение чем-л. равноценным (утраченного или затраченного).

- оправдать – 1. Вынести судебный приговор, содержащий признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания. 2. Признать правым, поступившим непредосудительно. 3. Признать ч.-либо допустимым, возможным, непредосудительным. 4. Показать себя достойным чего-л., заслуживающим ч.-либо (О. ожидания, надежды). 5. Возместить, окупить (расходы) [Кузнецов 2014: URL].

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова:

- Одобрение – 1. Действие по глаголу одобрить-одобрять. 2. Похвала, поощрение, одобряющий отзыв. Одобрить – счесть приемлемым, хорошим; отозваться о чем-н. с похвалой, сочувствием. 2. Разрешить, счесть позволительным, доброкачественным; рекомендовать (офиц.) [Ушаков 2008: 598].

- Оправдание – довод в пользу чего-нибудь, которым можно оправдать, извинить что-нибудь. От оправдать в значении «Признать при известных условиях допустимым, возможным, счесть извинительным, заслуживающим снисходительного отношения» [Ушаков 2008: 613].

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой:

- Одобрение – 1. См. одобрить. 2. Похвала, одобрительный отзыв. От одобрить в зн. «Признать хорошим, правильным, допустимым» [Ожегов, Шведова 2003: 447].

- Оправдание – см. оправдать,-ся. 2. Довод, которым можно оправдать, объяснить, извинить что-н. От оправдать в значении «2. Признать допустимым в силу чего-н.» [Ожегов, Шведова 2003: 456].

В «Новом толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой:

- Одобрение – 1. Признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала. 2. Письменное свидетельство о хорошей работе и поведении.

- Одобрять – 1. Считать приемлемым, хорошим, правильным. || Отзывать о чём-либо положительно. 2. Хвалить кого-либо, признавая его действия или поступки правильными [Ефремова 2000: 4805-4806].

- Оправдание – 1. Процесс действия по знач. глг.: оправдывать, оправдать. 2. а) Признание кого-л. невиновным или поступившим непредосудительно; б) Основание для такого признания. 3. а) Признание подсудимого невиновным. б) Приговор суда, отвергающий предъявленное подсудимому обвинение. 4. Обоснование справедливости или целесообразности чего-л. 5) разг. Возмещение утрат или затрат чем-л. равноценным [Ефремова 2000: 4909].

Близость значений рассматриваемых слов, отраженных в словарных статьях, отнюдь не означает их семантической идентичности. Семантическое сходство в случае одобрения и оправдания не является нетривиальным, то есть существенным: с этой точки зрения между одобрением и оправданием наблюдается только общее сходство по отсутствию отрицательной общеоценочной семы 'считать, что что-то плохо', или 'считать, что кто-то сделал плохо'. Однако заметим, что отмеченного семантического признака недостаточно для отождествления или смешения этих понятий как обозначений РА, потому что выявленный признак является общим для значительного количества разнообразных речевых актов положительной оценки (например, восхваление, солидаризация, героизация, положительная экзemplфикация, положительная гиперидентичность и пр.).

Думается, что ключевое отличие в данном случае следует связывать с признаком 'утверждение (эксплицитное или имплицитное) соответствия / несоответствия некоей норме и / или целесообразности'. Указанный признак будет являться обязательным для РА оправдания, но факультативным для РА одобрения, поскольку основания позитивной оценки, выражаемой в акте одобрения, в общем случае могут быть иными, отличными от соответствия норме и целесообразности. Таким образом, одобрение – это речевой акт позитивно-оценочной квалификации, квалификатив как разновидность репрезентатива. (Я могу одобрять что-то или кого-то только

потому, что что-л. / кто-л. мне нравится по каким-то параметрам, не обращая внимания на то, соответствует ли это каким-то нормам; например, одобрил инвективные выражения политика, одобрил что-то социально порицаемое, но в высшей степени оригинальное поведение, одобрил безумство храбрых врагов.)

Оправдание – это не просто субъективное выражение положительного отношения к кому-л. / чему-л., не просто эмоционально-оценочная реакция – это обязательное соотнесение с нормой. Налицо не субъективная оценка, а соотнесение своих субъективных представлений о правилах с неким их объективно существующим нормативным, общественным сводом (нельзя ругаться матом, воровать, убивать и т. п.). РА оправдания включает в себя информацию не столько оценочного, сколько аналитического типа; высказывание-оправдание выражает или подразумевает (в последнем случае – имеет пресуппозицией) сведения о причинно-следственной связи между теми обстоятельствами, которые лежат в основе оправдания, и собственно актом оправдания. Позитивная оценка оправдываемого лица, явления, действия, свойства и т. п. в РА оправдания может как присутствовать, так и отсутствовать, но даже в случае ее присутствия она не может рассматриваться как признак, по которому данный речевой акт подлежит квалификации как акт оправдания. С этой точки зрения оправдание можно назвать более значимым в социальном и юридическом аспектах речевым актом, предполагающим большую степень ответственности говорящего (пишущего) за содержание высказывания.

Рассматриваемые речевые акты являются разноуровневыми: одобрение – эмоционально-оценочный (наряду с похвалой, комплиментом и др.) акт, иллюкутивная сила которого направлена на изменение эмоционального состояния читателя или слушателя. Оправдание – регулятивно-прескриптивный, выражающий положительную каузацию предписательного / рекомендательного характера, то есть эксплицитное или имплицитное побуждение прескриптора, которое направлено на совершение или несвершение адресатом определенной действия.

Анализируемые РА обладают разной модальностью: одобрение тяготеет к оценочной модальности (хорошо, великолепно, замечательно, отлично и др.), а оправдание выражает скорее деонтическую, то есть нормативную модальность долженствования, давая характеристику действия с точки зрения определенной системы норм (должно / не должно, соответствует / не соответствует).

С точки зрения формальной организации, оправдание представляет собой комплексный РА, так как структура оправдательного высказывания содержит две самостоятельные составляющие: оправдательный тезис и аргументативную часть, каждая из которых в речи может быть имплицитована. Двойственный либо тройственный характер оправдательной аргументации (факультативная эмоция, обязательная фактуальность, обязательная логичность) формирует специфическую лингвистическую наполняемость этого РА.

К сказанному необходимо добавить, что одобрение вполне возможно без оправдания (Он ударил Петрова, я это одобряю, потому что только так с хамами и надо, но не оправдываю таких методов борьбы с хамством), а оправдание возможно и без одобрения (Я могу не одобрять некоторых методов борьбы с экстремизмом, но оправдываю необходимость самой борьбы).

Учитывая положение, что любой РА обладает социальной маркированностью, обусловленной статусом, интенциями, а также психологическими особенностями коммуникантов, следует заметить, что РА одобрения в целом менее социален, в большей степени присущ обыденной коммуникации. Это обстоятельство наиболее ярко эксплицитовано в текстах права, в том числе и в российском законодательстве, которое почти не использует термин одобрение (пожалуй, единственное исключение – ст.354.1 «Реабилитация нацизма», где сказано о запрете на одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала), но достаточно активно оперирует словом оправдание. Так, в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с многочисленными изменениями и дополнениями) экстремистская деятельность (экстремизм) дефинируется в том числе и через оправдание терроризма, оправдание нацистской и экстремистской идеологии, а также через оправдание необходимости осуществления экстремистской деятельности и оправдание национального и (или) расового превосходства либо оправдание практики совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы. В ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ дается определение понятия террористическая деятельность в том числе и через оправдание осуществления пропаганды идей терроризма и распространения материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности (ст. 3), оправдание терроризма (ст. 24). Кроме этого, номинация оправдание содержится в ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма». Более того, законодатели определяют и диспозитивные особенности этого термина. Так, согласно примечанию 1 к статье 205.2 УК РФ, публичное оправдание терроризма выражается в публичном заявлении о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. При этом под идеологией и практикой терроризма понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (см. п. 1 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму»). Следовательно, эксперт-лингвист должен проанализировать публичное оправдание терроризма как «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», или, полностью раскрывая содержание искомого явления, «публичное заявление о признании правильными, нуждающимися в поддержке и подражании идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Нет никакого сомнения, что лингвоправовое использование понятия оправдания должно быть чрезвычайно точно очерчено хотя бы потому, что за его содержанием стоят судьбы многих людей. Однако в существующих методических пособиях два рассматриваемых близких речевых акта определяются сходно до степени смешения, зачастую «заставляя» экспертов сводить к оправданию любые формы одобрения. Так, одно из судебных дел закончилось серьёзным приговором подсудимому в связи с его комментарием «Дело говорит», который, на наш взгляд, с очевидностью входит в парадигму РА одобрения, а не оправдания, так как в спорном высказывании содержится только один компонент речевого акта оправдание – одобрение сказанного, на что указывают лексемы дело (в значении «то, что полезно, важно, существенно») и говорит. Наблюдаем простое выражение оценки сказанного (нравится / не нравится), а не соотнесение с нормой (можно / нельзя, соответствует норме / не соответствует).

С функциональной точки зрения оправдательное высказывание всегда имеет одну коммуникативную цель – убеждение собеседника. Особенно важным этот тезис является в антиэкстремистском законодательстве: «Убеждение – важнейший целевой компонент «экстремистских» значений... Оправдание решает задачу изменения существующей оценки объекта речи в сторону ее улучшения: Я говорю это, потому что хочу, чтобы вы знали – я/он делает то, что делать можно, необходимо. Оправдание обычно реализуется в виде:

(а) утверждения о правильности (справедливости, необходимости, возможности или желательности) каких-л. действий и взглядов, признаваемых другими (в данном случае законом) недопустимыми. Ср.: Гитлер был прав, когда...; Он был вынужден это сделать... и т. п.

(б) положительной оценки лица, оцениваемого остальными негативно (ср. Гитлер молодец!). И утверждение и оценка могут быть подкреплены доводами» [Кукушкина и др. 2011: 105].

Важно обратить внимание также на то, что компонент оправдание в законодательной литературе входит в состав ряда составных терминов, поэтому «отрывать» речевой акт оправдания от содержания «оправдываемого» действия невозможно.

Существительное признание является трансформой глагола признать в значении «установить что-л., прийти к какому-л. заключению» (данное значение реализуется, в частности, в сочетании с управляемыми формами кого-что, каким, чем) [Кузнецов 2014: URL]. (Здесь и далее словарные значения приводятся по данным «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова в версии 2014 г.; отсутствие ссылок на иные лексикографические источники следует трактовать как указание на непротиворечивость данных известных толковых словарей в отношении системы значений соответствующей лексемы. Отбор актуализированных в том или ином рассматриваемом контексте словарных значений во всех случаях производится с учетом требования синсемичности, а также грамматических признаков, проявляемых словоупотреблениями в рассматриваемом контексте.)

Прилагательное правильный в актуальных для контекста «признание идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» значениях «верный, безошибочный; истинный, соответствующий реальной ситуации», «настоящий; такой, какой нужен; хороший, справедливый» [Кузнецов 2014: URL] выражает прямую позитивную оценку характеризуемого явления реальной действительности, составляющую основное смысловое содержание приведенных значений.

Существительное идеология в этом контексте интерпретируется как политический термин, выражающий понятие «система взглядов, идей, представлений, состоящая из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в том или ином обществе, в той или иной социальной группе, политической партии и т. п.» [Кузнецов 2014: URL].

Существительное практика в рассматриваемом контексте интерпретируется в значении «накопленный опыт, совокупность приемов и навыков в какой-л. области деятельности» [Кузнецов 2014: URL].

Глагол нуждаться в том же контексте интерпретируется в значении «требовать чего-л., вызывать необходимость чего-л.» [Кузнецов 2014: URL].

С учетом изложенного, словосочетание «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» относится к продуктам речевой деятельности (спорному тексту в целом или отдельным высказываниям в его составе), предположительно выражающим оценочные и аналитические суждения (выводы, заключения), содержание которых соответствует одному или обоим следующим описаниям:

- система представлений, взглядов, состоящая из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в социальной группе террористов, позитивно оценивается как верная, безошибочная, истинная, соответствующая реальной ситуации, необходимая (такая, какая нужна);
- отдельные террористические деяния или их совокупность позитивно оцениваются как верные, безошибочные, необходимые (такие, какие нужны) поступки, соответствующие реальной ситуации, аналогичные поступкам, требующимся в будущем.

Словесная конструкция «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», использованная в Примечании 1 к ст. 205.2 УК РФ в качестве дефиниции понятия публичного оправдания терроризма, обязательной к применению при правовой квалификации соответствующих деяний, предполагает, что общая экспертная задача, подлежащая решению в лингвистической экспертизе по материалам уголовных дел, в рамках которых лицо обвиняется в совершении публичного оправдания терроризма, – выявление в спорном тексте отдельных высказываний, в которых выражается заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, а также установление того, может ли рассматриваться в качестве такого заявления спорный текст в целом. Описанный подход полностью согласуется с методикой, опубликованной по решению Научно-методического совета ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России: «Публичное оправдание терроризма образует состав оконченного преступления с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания» [Кукушкина и др. 2014: 11].

Нетрудно видеть, что понятие публичное оправдание терроризма в том виде, как оно определено в Примечании 1 к ст. 205.2 УК РФ, соотносится в терминах теории речевых актов не с РА оправдания, но в большей степени с РА одобрения:

- законодатель устанавливает в качестве требования, обязательного для признания продукта речевой деятельности уголовно наказуемым деянием «публичное оправдание терроризма», присутствие выражения позитивной оценки определенного вида (по семантическим признакам «верный», «безошибочный», «истинный», «соответствующий реальной ситуации», «необходимый (такой, какой нужен)»);
- законодатель вводит специальное определение, в котором наличие утверждения о несоответствии оправдываемого лица, поступка, явления и т. п. какой-либо норме не относится к числу требований, обязательных для признания продукта речевой деятельности уголовно наказуемым деянием «публичное оправдание терроризма».

Надеемся, что предлагаемый подход позволит отличить тексты, выражающие одобрение общественно опасных действий, от высказываний, автор которых имел смелость высказать свои соображения о реально существующих социальных проблемах, создающих предпосылки для возникновения и развития террористической идеологии, послуживших причинами или поводом для конкретного теракта или создавших условия, сделавшие этот теракт возможным.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010.

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь. [В 2 т.]. М., 2000.

Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.

Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.

Лаврентьева Е.В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Новосибирск, 2006.

-
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов: Пер. с англ. М., 1986.
Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2004.
Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М., 2008.
Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Жанры речи. – Вып. 1. – Саратов, 1997. – С. 88–99.

References

- Dementiev V.V. Theory of speech genres. М., 2010. (In Russian).
Great Dictionary of Russian language. Ed. S. A. Kuznetsov. SPb., 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (In Russian).
Efremova T.F. New explanatory and derivational dictionary. - In 2 vols. М., 2000. (In Russian).
Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Methodology for conducting forensic psychological and linguistic examination of materials on cases related to countering extremism and terrorism. М., 2014. (In Russian).
Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic examination of texts in cases related to countering extremism. М., 2011. (In Russian).
Lavrentieva E.V. Speech genres of accusation and justification of dialogic unity: Dis. ... cand. filol. Sciences: 10.02.01. - Novosibirsk, 2006. (In Russian).
New in foreign linguistics. Issue 17. Theory of speech acts: Per. from English. М., 1986. (In Russian).
Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. М., 2003. (In Russian).
Shmeleva T.V. Speech genre model / Speech genres. - Vol. 1. - Saratov, 1997. - P. 88-99. (In Russian).
The modern explanatory dictionary of the Russian language. Ed. prof. S. A. Kuznetsov. SPb., 2004. (In Russian).
Ushakov D.N. Large explanatory dictionary of the modern Russian language: 180,000 words and phrases. М., 2008. (In Russian).

Citation:

Жарков, И.В. Колтунова, Е.А. Оппозиция речевых актов одобрения и оправдания в сфере судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. – 2020. – 15. – С. 17-21.
Zharkov, I.V. Koltunova, E.A. (2020). The Speech Acts of Approval and Acquittal in the Forensic Linguistic Examination. Legal Linguistics, 15, 17-21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

К проблеме функционирования словосочетания «террористическая активность» в текстах СМИ

Г. Н. Трофимова

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия. E-mail: gnt@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы смыслообразования в журналистских текстах в ситуации возникновения и функционирования словосочетания «террористическая активность». Опираясь на исследования в области терминологии, семантики и лексикологии, автор реализует подробный лексико-семантический, словообразовательный и стилистический анализ данного словосочетания, затем рассматривает его на конкретных примерах из текстов СМИ и дополняет исследование данными проведенного опроса о восприятии и понимании словосочетания в массовой аудитории. В итоге автор приходит к выводу о том, что формирование словосочетания «террористическая активность» и его функционирование в текстах СМИ происходит спонтанно и приводит к размыванию четкости и однозначности смысла. Отобранные примеры показывают, что частотность использования этого словосочетания в журналистских текстах, освещающих горячие события общественно-политической жизни, способствует тому, что оно приобретает характер устойчивого выражения, но смысловые нюансы оставляют возможность для разночтения, которая осложняет проведение лингвистических экспертиз подобных текстов. Таким образом СМИ оказывают существенное влияние на современные процессы терминологизации, формируют группу псевдотерминов, которые не соответствуют основным признакам термина как лексической языковой единицы, но претендуют на терминологическую роль в журналистском тексте.

Ключевые слова: террористическая активность; термин; стиль СМИ; общественно-политический дискурс.

On the Problem of the Functioning of the Phrase “Terrorist Activity” in Media Texts

G.N.Trofimova

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya st., 117198, Moscow, Russia, E-mail: gnt@mail.ru

The article is concerned with the study of the problem of meaning in journalistic texts in the situation of the origination and functioning of the phrase “terrorist activity”. Based on research in the field of terminology, semantics and lexicology, the author implements a detailed lexico-semantic, word-formation and stylistic analysis of this phrase, then considers it with specific examples from media texts and supplements the study with the data from the survey on the perception and understanding of phrase in the mass audience. As a result, the author comes to the conclusion that the formation of the phrase “terrorist activity” and its functioning in media texts occurs spontaneously and leads to erosion of the clarity and unambiguity of meaning. Analyzing relevant examples, the author shows that the frequency of use of this phrase in journalistic texts covering the hot events of socio-political life contributes to the fact that it acquires the character of a set phrase, but the semantic nuances leave room for misunderstanding, which complicates conducting linguistic examination of such texts. The author emphasizes that in this way the media have a significant impact on modern terminological processes, form a group of pseudo-terms that do not answer the main features of the term as a lexical unit of language, but claim a terminological role in the journalistic text.

Key words: terrorist activity; term; media style; socio-political discourse.

Одной из значимых стилических примет современных СМИ является создание и распространение так называемых оперативных номинаций или новых слов текущего момента (например, мавродиевка). Словосочетание «террористическая активность» появилось в речевом обиходе СМИ и распространилось в речевых ситуациях общественно-политического дискурса по нескольким причинам.

Политизация общественной жизни в России, да и во всем мире, определила тенденцию современных СМИ к сверхактивной актуализации в журналистских текстах языковых единиц из сферы общественно-политической лексики. Словосочетание «террористическая активность» часто фигурирует сегодня и в журналистских текстах, и в официально-деловой документации, и в текстах юридической практики, требующих особенно четкой определенности.

В современном обществе, в условиях активного нарастания интенсивности и экстенсивности информационных потоков, возрастает роль СМИ в формировании информационной картины дня, толковании и интерпретации общественно значимых смыслов, пригодных для преобразования несущей их информации в знание, общественное мнение и ценностные ориентиры. Информационные технологии

активно способствуют ускоренному распространению, вхождению в общепотребительную лексику и внедрению в общественное сознание часто употребляемых слов, словосочетаний, выражений и высказываний.

Особенно важна точность в определении терминов общественно-политической сферы, которые активно используются в текстах СМИ, освещающих события в международной жизни, так как именно с помощью этих терминов осуществляется интерпретация действительности на концептуальном уровне. В сфере общественно-политического дискурса многократно повторяющаяся терминология приобретает особую силу воздействия, актуализирует и концентрирует текстовые ключевые смыслы, придает журналистскому тексту эффект содержательности, фактологичности, достоверности, объективности.

В целом такая ситуация приводит к размыванию границ между терминами и общепотребительными словами. Тем более что в языкознании не существует единого мнения о сущности понятия «термин».

Действительно, словосочетание «террористическая активность», на первый взгляд, можно отнести к разряду терминов, поскольку, по мнению Н.И. Кондакова, «термином называется специальное слово или выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной среде или профессии» [Кондаков 1975: 278]. Стремление к точности и однозначности, безусловно, является одним из основных качеств термина. Если Д.С. Лотте утверждает, что термин, в отличие от обычного слова, всегда выражает строго фиксированное понятие, должен быть краток и лишен многозначности [цит. по Татаринов 1996: 30], то словосочетание «террористическая активность», казалось бы, отвечает и этим требованиям. Для А.В. Суперанской в термине также важна его специальность и способность стать основным понятийным элементом языка для специальных целей [Суперанская, Подольская, Васильева 2003: 14]. Следовательно, в этих рамках наше словосочетание вполне можно было бы действительно посчитать терминологическим, то есть специальным, стремящимся к однозначному выражению понятия или называнию вещей и употребляющимся в определенных условиях.

Для того чтобы проверить данное предположение, следует провести смысловой и словообразовательный анализ этого словосочетания, а затем проанализировать его употребление в журналистских текстах. Для этого необходимо воспользоваться методами лексико-семантического, а также словообразовательного анализа, результаты которого можно проверить с помощью метода лингвостилистического анализа текстов СМИ, а затем верифицировать их в обобщении опроса об особенностях восприятия данного словосочетания в среде массовой аудитории.

Значение слова – это важнейшая составляющая часть языка, поскольку, по справедливому утверждению Л.А.Новикова, «выражение и восприятие смысла представляют, по существу, главную и конечную цель любого языка» [Новиков 1982: 85]. На протяжении всего XX века исследователи рассматривали значение и в противопоставлении смыслу [Katz 1972: 331], и как отношение слова к обозначаемому им предмету [Реформатский 1996: 147], но наиболее важным в определении значения становится отражение действительности в языке, смысловое содержание знака, наконец, отображение предмета, явления или отношения в сознании [Сосюр 1977: 152].

Значение словосочетания «террористическая активность» может быть выявлено в процессе его лексико-семантического анализа. Данное словосочетание состоит из двух лексем: «террористический» и «активность». Между собой данные лексемы находятся в синтаксических отношениях согласования, подразумевающих под собой ситуацию, в которой с главным словом, коим в данном случае является отвлеченное существительное «активность», в роде, числе и падеже согласуется зависимое от него слово «террористический».

Слово «акт» происходит от лат. *actus* — действие, в латинском языке означает «деяние, совершенное кем-либо», «единичное проявление какой-либо деятельности; действие», «поступок» (историко-этимологический словарь латинских заимствований [Тамерьян 2009], энциклопедический словарь [Большой энциклопедический словарь: URL], а также Вестминстерский словарь теологических терминов [Мак-Ким 2004: 43]), единичное действие, отдельное проявление какой-нибудь деятельности (книж.), поступок, проявление в действии [Ушаков 1994: URL; Ожегов, Шведова 1999: URL; Ефремова 2000: 29].

Образованное от слова «акт» прилагательное «активный» должно иметь схожие с ним значения, что и подтверждается словарными определениями данного слова: деятельный, энергичный, принимающий усиленное участие в чем-нибудь, проявляющийся в воздействии на что-нибудь [Ушаков 1994: URL; Алабугин 2015; Ожегов, Шведова 1999: URL; Ефремова 2000].

Наконец, слово «активность» образовано от качественного прилагательного «активный» с помощью словообразовательного суффикса «-ость», имеющего в русском языкознании значение отвлеченного признака, состояния или свойства. Согласно словарям, лексема «активность» означает состояние человека, желание действовать, энергичную, активную, усиленную деятельность, деятельное участие в чём-либо [Ожегов, Шведова 1999; Ушаков 1994: URL; Ефремова 2000; Евгеньева 1984: URL].

Функционирование в русском языке слова «террористический» также сопровождается формированием словообразовательной цепочки «террор – терроризировать – террорист – терроризм – террористический». Лексема «террор» объясняется в словарях как устранивание своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения; жестокое запугивание, насилие [Ожегов, Шведова 1999: URL; Ефремова 2000, Ушаков 1994: URL].

Глагол «терроризировать» означает запугать (-гивать) чем-нибудь, держать в состоянии постоянного страха [Ожегов, Шведова 1999: URL]. От глагола «терроризировать» образованы существительные «террорист» и «терроризм». Лексема «терроризм» определяется в толковых словарях русского языка схоже: тактика, политика и практика террора; деятельность террористов. Соответственно, лексема «террорист» реализуется в русском языке в следующих значениях: участник или сторонник актов индивидуального террора [Ожегов, Шведова 1999: URL]; приверженец терроризма, участник террористических актов [Ефремова 2000].

Наконец, относительное прилагательное «террористический» образовано от существительного «террорист» со следующими значениями: соотносящийся по значению с существительными «террор, терроризм, террорист», связанный с ними, свойственный террору, терроризму, террористу, характерный для них, состоящий из террористов [Ефремова 2000].

Таким образом, лексико-семантический анализ определяет значение словосочетания «террористическая активность» следующим образом: состояние приверженцев, сторонников и участников террора, желающих деятельно, энергично, усиленно и интенсивно держать кого-либо в состоянии постоянного страха, запугивания, угрозы физической расправы, физического насилия вплоть до уничтожения; энергичная, усиленная и интенсивная деятельность приверженцев, сторонников и участников террора, желающих держать кого-либо в состоянии постоянного страха, запугивания, угрозы физической расправы, физического насилия вплоть до уничтожения.

В то же время объективность требует рассмотреть данное словосочетание на словообразовательном уровне.

Словообразовательный анализ слова «террористический» показывает, что оно образовано не от конкретного существительного «террорист», а от относительного существительного слова «терроризм» с помощью суффикса «-ическ-», который под ударением при добавлении к основе «терроризм» образует имя прилагательное со значением свойственности тому, характерности для того, что

названо мотивирующим словом, в качестве которого выступает нарицательное имя существительное, обозначающее отвлеченное понятие. Значит, словосочетание «террористическая активность» означает не активность террористов, а активность, которой свойственен террористический характер. В этом случае сопричастность активности с деятельностью террористов не очевидна и не может быть однозначно атрибутирована в качестве термина.

От леммы же «террорист» прилагательное образуется с помощью суффикса «-ск-» - «террористский», - и в сочетании с существительным «активность» образует значение принадлежности «активность террористов», что однозначно указывает на деятельность террористов.

Обратимся к функционированию словосочетания «террористическая активность» в текстах СМИ.

1. В связи со всплеском террористической активности, в израильских СМИ началось обсуждение возможной отмены конкурса Евровидения, который должен пройти в Тель-Авиве в середине мая (Больше 400 ракет выпущено по Израилу. Евровидение под угрозой? - 05.05.2019 в 10:28 - <https://mkisrael.co.il/incident/2019/05/05/bolshe-400-raket-vypushheno-po-izrailu-evroviedenis-pod-ugrozoj.html>). В данном примере журналист предположительно употребляет исследуемое словосочетание в значении «активность террористов», хотя лингвистических показаний к этому не наблюдается. Принадлежность активности к деятельности террористов отнюдь не очевидна.

2. Вчера работник российского дипломатического представительства рассказал СМИ: «За прошедшие три месяца террористическая активность в стране только нарастает (Россиянам не рекомендуют посещать Великобританию 26.05.2017 18:07 - <https://lentachel.ru/news/2017/05/26/rossiyanam-ne-rekomenduyut-poseshat-velikobritaniyu.html#hcq=5A7ArRr>). В данном случае в публикации также наблюдается размывание смысла исследуемого выражения, так как оно не предполагает однозначной принадлежности к деятельности террористов.

3. Если наблюдать только за общедоступной информацией в СМИ, видно, что террористическая подготовительная активность (1) в течение последних лет непрерывно нарастает. Добавим явное усиление активности террористов (2) в России и в соседних странах, интенсивную вербовку ими неопитов, и становится ясно, что враг шутить не намерен (Теракт без ответственности. Специалисты по антитеррору объяснили, почему ни одна из организаций до сих пор не заявила о своей причастности к взрыву в Петербурге 6 апреля 2017, 00:01 Андрей Филатов 4125 <https://iz.ru/news/677186>). В приведенном примере употреблены рядом два варианта, между которыми автор явно ставит знак синонимичности и использует их как варианты одного и того же значения. Однако разница между этими двумя вариантами очевидна. В первом случае смысловым центром является существительное «активность», а прилагательное «террористическая» лишь определяет характер активности. В то время как во втором случае смысловая значимость распределяется равномерно на оба существительных – «активность» и «террористов». При этом наблюдается четкая соотнесенность принадлежности (активность чья? – террористов).

4. Максимальная огласка диверсионно-террористической активности Киева в СМИ (Украинские диверсанты из Крыма не возвращаются - 19:03 21.11.2016 (обновлено: 19:07 21.11.2016) 62416 - <https://ria.ru/20161121/1481840018.html>). В данном примере речь идет об активности Киева (прием метонимии подразумевает под номинацией «Киев» соответствующие структуры руководства Украиной), которая, по мнению журналиста, является диверсионно-террористической. В то же время нельзя однозначно утверждать, что автор считает киевскую власть диверсантами и террористами.

5. Пристальное внимание к Турции со стороны немецких СМИ обусловлено, скорее всего, в первую очередь возросшей террористической активностью «Исламского государства» и курдов... (Говорит Германия: турецкий Первомай - <https://rustelegraph.ru/news/2016-05-02/Govorit-Germaniya-turetskii-Pervomai-56532/>). Смысл исследуемого словосочетания в этом примере расширяется за счет присоединения к главному слову «активность» управляемого им словосочетания «Исламского государства» и курдов, которое, тем не менее, не проясняет соотнесенности между активностью и террористической деятельностью.

6. На том же "Правительственном часе" Игорь Баринев рассказал о террористической активности в регионах и роли СМИ в разжигании конфликтов (Глава ФАДН признался, что не прочь стать министром - <http://nazaccent.ru/content/19961-glava-fadn-priznalsya-chto-ne-proch.html>). Подобное употребление исследуемого словосочетания приближается к эвфемизму, которым заменяется однозначное указание на акторов террористической деятельности, так как в данном случае речь идет об активности террористического характера без обозначения реальных лиц, стоящих за ней.

Опрос среди представителей массовой аудитории по поводу понимания словосочетания «террористическая активность» в приведенных примерах показал следующие результаты: из 80-ти опрошенных 90% поняли это словосочетание как «активность террористов» и лишь 10% высказали предположение о том, что «террористическая активность» и «активность террористов» - это не одно и то же по смысловым конфигурациям и их употреблению в коммуникативных ситуациях.

Итак, проведенное исследование показало, что формирование словосочетания «террористическая активность» и его функционирование в текстах СМИ происходит спонтанно и приводит к размыванию четкости и однозначности смысла. Частотность использования этого словосочетания в журналистских текстах, освещающих горячие события общественно-политической жизни, способствует тому, что оно приобретает характер устойчивого выражения. Но смысловые нюансы оставляют возможность для разночтения, которая осложняет проведение лингвистических экспертиз подобных текстов. Таким образом, на современные процессы терминологизации существенное влияние оказывают СМИ. Они формируют группу псевдотерминов, которые не соответствуют основным признакам термина как лексической языковой единицы, но претендуют на терминологическую роль в журналистском тексте.

Литература

Алабугина Ю.В. Толковый словарь русского языка. М., 2015.

Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М., 2004. URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/encyclopedic/>

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1975.

Мак-Ким Дональд К. Вестминстерский словарь теологических терминов. М., 2004.

Новиков Л.А. Семантика русского языка: учеб. пособие. М., 1982.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. URL: <https://slovarozhegova.ru/>

Реформатский А.А. Введение в языковедение/ Под ред. В.А. Виноградова. М., 1996.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. М., 2003.
- Тамерьян Т.Ю. Историко-этимологический словарь латинских заимствований: Учебное пособие / Под ред. Т.А. Гуриева. Владикавказ, 2009. URL: http://tamertu.narod.ru/Tamerian_slovar.htm
- Татаринов В.А. Исторические и теоретические основания терминоведения как отрасли отечественного языкознания: дис... д-ра филол. н. – М., 1996.
- Тезаурус русской деловой лексики. М., 2006. URL: <https://slovar.cc/rus/tezaurus-del.html>
- Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984. URL: <http://www.xn--80aacc4bir7b.xn--p1ai/>
- Толковый словарь русского языка: В 4-х т. /Под редакцией Д.Н. Ушакова. М., 1994. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>
- Katzz J.J. Semantik Theory. New York, Evanston, San Francisco, London, 1972.

References

- Alabugina Yu.V. Explanatory dictionary of the Russian language. М., 2015. (in Russian).
- Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / Ed. A.P. Evgenieva. - 2nd ed., Rev. and add. - М., 1981–1984. URL: <http://www.xn--80aacc4bir7b.xn--p1ai/> (in Russian).
- Efremova T.F. The new dictionary of the Russian language. Interpretative and derivational. М., 2000. (in Russian).
- Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. / Edited by D.N. Ushakov. М., 1994. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (in Russian).
- Great Encyclopedic Dictionary / Edited by A.M. Prokhorov. М., 2004. URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/encyclopedic/> (in Russian).
- Katzz J.J. Semantik Theory / New York, Evanston, San Francisco, 1972.
- Kondakov N.I. Logical Dictionary. М., 1975. (in Russian).
- McKim Donald C. Westminster Dictionary of Theological Terms. М., 2004. (in Russian).
- Novikov L.A. Semantics of the Russian language: textbook. М., 1982. (in Russian).
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions. М., 1999. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (in Russian).
- Reformatsky A.A. Introduction to Linguistics / Ed. V.A. Vinogradov. М., 1996. (in Russian).
- Saussure F. de. Proceedings in linguistics. М., 1977 (in Russian).
- Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasilyeva N.V. General terminology. М., 2003. (in Russian).
- Tameryan T.Yu. Historical and etymological dictionary of Latin borrowings: Textbook / Ed. T.A. Guriev. Vladikavkaz, 2009. URL: http://tamertu.narod.ru/Tamerian_slovar.htm (in Russian).
- Tatarinov V.A. Historical and theoretical foundations of terminology as a branch of Russian linguistics: dis ... Dr. filol. М., 1996. (in Russian).
- Thesaurus of Russian business vocabulary. М., 2006. URL: <https://slovar.cc/rus/tezaurus-del.html> (in Russian).

Citation:

Трофимова, Г.Н. К проблеме функционирования словосочетания «террористическая активность» в текстах СМИ. // Юрислингвистика. – 2020. – 15. – С. 22-25.

Trofimova, G.N. (2020). On the Problem of the Functioning of the Phrase "Terrorist Activity" in Media Texts. Legal Linguistics, 15, 22-25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 25.03.2020 г.

Дата публикации издания 31.03.2020 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2020